

Милость и слава

Так, в суете и заботах, незаметно подошло время дворцовых экзаменов. Испытание длилось целый день. Вечером Сюй Гу вернулся с подавленным видом. Выяснилось, что он получил сорок третье место во втором разряде, едва не оказавшись в третьем.

Почтенная госпожа и госпожа Бай были озадачены.

— Неужели вопросы были слишком сложными? О чём спрашивали?

— «Учитель сказал: богатство и знатность — вот чего желают люди», — растерянно покачав головой, ответил Сюй Гу.

— Но это же несложно, — удивилась госпожа Бай. — Нужно было рассуждать о том, что всё должно быть добыто честным путём. Благородный муж ищет Дао, а не пропитания.

— Да, я рассуждал на тему «Богатство и знатность, добытые нечестным путём, для меня — что плывущие облака». Я сверялся с учителем после экзамена. Но, говорят, трое лучших писали о том, что «когда государство богато, и народ знатен», «богатство — не в деньгах, знатность — не в сокровищах», и «богатство государя хранится в народе».

— Кто же занял первые три места? — поспешно спросила почтенная госпожа.

— Чжуаньюань — Хэ Чжицю, родом из столицы, из бедной семьи. Баньюань — известный учёный из Цзяннани Чжан Вэньчжэнь. Таньхуа — Фань Муцунь.

— Семья Фань смогла вернуть себе положение! — воскликнула почтенная госпожа, услышав имя Фань Муцуня.

— Хотя все знают, что император недолюбливает семью Фань, а вдовствующая императрица удалилась в родовой храм для уединения, окончательного разрыва не произошло, — заметила госпожа Бай. — Этот Фань Муцунь в юности славился своим талантом. После смерти князя-регента он, говорят, уехал путешествовать, вероятно, чтобы избежать беды. Позже, когда его дядя, брат императрицы, умер от болезни, он вернулся, чтобы соблюсти траур, и с тех пор вёл затворнический образ жизни. Третье место — это даже ниже его способностей.

— И то хорошо, — вздохнула почтенная госпожа. — Гу-гэ, и ты не унывай. То, что ты сдал, уже большое достижение.

— А что насчёт стихов и сочинений? — спросила госпожа Бай.

— Нужно было сочинить стихи или оду на тему «Сын Неба в своём чертоге взирает на четыре моря». Историческое эссе — о путешествии Чжан Цяня в Западный край. А в политическом сочинении — «Налоговые системы со времён династий Хань и Тан в свете сегодняшних реалий».

Госпожа Бай и почтенная госпожа переглянулись.

— Это что же, он собирается открывать морские пути, торговать с варварами и менять налоговую систему? — пробормотала почтенная госпожа.

— Нынешний государь стремится к великим свершениям, — сказала госпожа Бай. — Боюсь, его амбиции не ограничиваются пределами нашей страны.

— Святой правитель не говорит, а народ сам тянется к нему, и все страны живут в мире. Лучше бы он правил, не вмешиваясь, — с тревогой произнесла почтенная госпожа.

— Как бы то ни было, он сдал, и это главное, — поспешно сменила тему госпожа Бай. — Сейчас нужно подготовиться к банкету Цюнлинь. Но раз он не попал в первый разряд, придётся поторопиться, чтобы устроить его в академию Ханьлинь. Даже если не получится, нужно найти ему должность в столице.

Эти слова напомнили почтенной госпоже о необходимости использовать связи семьи Бай. Нужно было дать им то, чего они хотели.

— Верно. Банкет Цюнлинь — важное событие, вторая невестка, устрой всё как следует. Кроме того, нужно завершить дело с усыновлением. Завтра я приглашу главу клана, чтобы всё оформить. Так Гу-гэ будет проще начать свою карьеру.

Неожиданно Сюй Гу опустился на колени.

— Бабушка, я уже всё решил. Мои результаты не так хороши, я лучше уеду из столицы на службу в провинцию. Послужу там несколько сроков, а потом буду просить о переводе в столицу. Сейчас двор, очевидно, ценит чиновников, разбирающихся в практических делах. Я много лет изучал каноны, и только на этих экзаменах понял, что всё это — пустые рассуждения. Я ничего не знаю ни о сельском хозяйстве, ни о государственных делах, ни о том, как велика Поднебесная, какие богатства есть в других странах и какова их экономика. Сначала я должен научиться управлять хотя бы одним уездом или областью, чтобы понять, чем живёт простой народ.

— Что ты понимаешь! — вскричала почтенная госпожа. — Кто не был в академии Ханьлинь, не попадёт в кабинет министров! Шуцзиши — это будущие канцлеры! Если ты не будешь служить при государе, кто узнает о твоих талантах?

— Гу-гэ, ты молод и не знаешь, — вмешалась госпожа Бай, — многие, уехав в провинцию, так и не возвращаются. Думаешь, легко быть уездным чиновником? Это не «отец и мать народа», а мелкий чиновник, который отвечает за всё на свете...

Сюй Чунь, которому все эти разговоры давно наскучили и клонили в сон, услышав неожиданный поворот, широко открыл глаза и с любопытством посмотрел на Сюй Гу. Тот молчал.

Князь Цзин, сидевший рядом, тоже клевал носом. Днём он надзирал за ремонтом дворца для поста, и это было для него сущим мучением. С самого рождения он не знал таких трудностей и теперь валился с ног от усталости.

Госпожа Шэн сидела с видом, будто её это совершенно не касается. Она лишь изредка поглядывала на Сюй Чуня. Видя, что он румян и весел, она чувствовала облегчение. Судьба этого побочного сына её не волновала. Она выполнила свой долг законной матери, и теперь он мог отправляться куда угодно.

Почтенная госпожа и госпожа Бай долго уговаривали Сюй Гу, но тот лишь поклонился до земли.

— Перед экзаменами, когда я ходил с однокашниками к наставнику, я уже сказал великому канцлеру Чжан Жугую, что хочу служить в провинции. Наставник согласился и даже похвалил меня за основательность.

Почтенная госпожа и госпожа Бай потеряли дар речи от гнева. Наконец, госпожа Шэн вмешалась, чтобы сгладить неловкость:

— Гу-гэ сегодня целый день был на экзаменах, должно быть, очень устал. Пусть сначала отдохнёт. А о будущем можно будет подумать и позже.

На этом все и разошлись, недовольные.

Сюй Чунь же был в восторге. Вернувшись, он тут же написал «девятому братцу»:

«Всегда думал, что он зазубрил книги и возомнил о себе невесть что. А оказалось, одни экзамены — и он тут же раскаялся, совесть проснулась, захотел стать отцом народа и познать тяготы государства. Правду говорят: „Словами человека не научишь, а жизнь научит с первого раза“. А ещё мой отец. Одно поручение от двора — и его как подменили. Говорят, совесть у человека есть, а собака дерьмо не ест. Выходит, слава и выгода при дворе — вот что пробуждает в людях совесть!»

Получив письмо, Се И не смог сдержать улыбки. Отложив его, он взял кисть, чтобы заняться указами, но, увидев донесение о тяготах государства, тут же вспомнил Сюй Чуново «совесть у

человека есть, а собака дерьмо не ест» и рассмеялся так, что рука дрогнула. Отложив кисть, он повернулся к Су Хуаю.

— На какой день назначен банкет Цюнлинь?

— На завтра, Ваше Величество, — ответил Су Хуай, сияя от радости. — Самый благоприятный день.

Всё-таки письма юного князя — лучшее средство. Каждый раз, прочитав их, государь в прекрасном настроении.

— Что ж, я хочу взглянуть на этих талантов из резиденции князя Цзин, — улыбнулся Се И. — Передай указ, пусть Се Фэй завтра сопровождает меня.

— Слушаюсь, — поспешно ответил Су Хуай.

На следующее утро, как и ожидалось, погода была тёплой и ясной. В императорском саду цвели персики и сливы, нежно-белые и ярко-красные, словно облака. Цветы казались свежеекрасненными, трава — бархатной. Порхали бабочки, пели иволги — весна была в самом разгаре. Придворные музыканты играли тихую, изящную музыку.

На банкете собрались сановники в роскошных одеждах, сияющие, словно звёзды. Здесь были и учёные из академии Ханьлинь, и чиновники в пурпурных и алых халатах, словно облака на закате. Кроме сдавших экзамены, на банкет были приглашены гражданские чиновники третьего ранга и выше, академики, лекторы, цензоры-наблюдатели.

Когда Се И прибыл в сад, Се Фэй почтительно следовал за ним. Се И что-то тихо говорил ему. Сегодня он был в алом праздничном халате с узкими рукавами, расшитом золотыми драконами. Он выглядел величественно и сияюще, и Се Фэй не смел поднять на него глаз.

Трое лучших выпускников во главе со всеми остальными поклонились императору. Се И с любезной улыбкой прикрепил к их головным уборам золотые цветы, сказал несколько ободряющих слов и, по традиции, велел всем сочинить стихи. Все выпускники были людьми талантливыми и тут же представили свои творения на суд государя.

Се И первым взял стихи чжуаньюаня, Хэ Чжицю. Прочитав, он с лёгкой улыбкой спросил:

— «Всю жизнь стремился к рису и просу, полвека создавал персиковый источник». Чжуаньюань, стихи ваши просты, но стремления велики. Помню, ваше сочинение на экзамене было превосходным — каждое слово отточено, каждая фраза — как железо.

Хэ Чжицю, не выказывая ни гордости, ни робости, вышел вперёд и спокойно поклонился.

— Я, ваш слуга, хоть и прост талантом, готов отдать все свои скромные силы на благо государства и народа, и умереть без сожаления.

Се И с улыбкой подумал, что этот Хэ Чжицю умеет быть гибким. Когда он писал фривольные романы, его слог был изысканным, очевидно, он немало потрудился над поэзией. А теперь, на банкете, он намеренно пишет просто, чтобы выразить свои стремления. Должно быть, он понял, что государь не любит витиеватости и ценит дело. Умный человек. При дворе он будет как рыба в воде. Если правильно его использовать, он станет опорой государства.

Отложив его стихи, он пролистал остальные и взял сочинение баньюаня, Чжан Вэньчжэня. Тот за короткое время написал оду в сто иероглифов, изысканную и витиеватую.

— Прекрасное сочинение, — похвалил Се И, — и почерк отменный. Достоинно войти в историю.

Он передал свиток Се Фэю, тот тоже восхитился и пустил его по рядам.

Чжан Вэньчжэнь, происходивший из знатной семьи Цзяннани, был известен своим талантом и очень гордился им. Он был недоволен, что не стал чжуаньюанем, но теперь его лицо просияло. Государь назвал стихи чжуаньюаня простыми, а мою оду превознёс. Вот она, истинная мудрость! Он пал ниц, благодаря за милость и клянясь в верности.

Се И и его ободрил несколькими тёплыми словами. Затем он взял стихи таньхуа, Фань Муцуня, и медленно прочитал:

— «В алой пыли столичных дорог весенний ветер. Тысячи персиковых деревьев, и Лю Лан пришёл». — Он взглянул на стоявшего внизу Фань Муцуня и с улыбкой спросил: — Дунье хочет стать Лю Ланом?

Он обратился к нему по второму имени. Фань Муцунь был племянником вдовствующей императрицы, часто бывал во дворце и с юности славился своим талантом. Се И знал его с детства, но теперь между ними была пропасть — государь и подданный.

Фань Муцунь шагнул вперёд и поднял глаза. Его тёмные очи сияли, как ясный снег.

— «Прежний Лю Лан сегодня вернулся, спросить у столицы — целы ли тысячи персиковых деревьев?» Ваше Величество денно и нощно трудится на благо государства. Как я смею не приложить все силы, чтобы хоть немного облегчить ваши заботы? Повелевайте, я готов пойти на смерть.

— Семья Фань — одна из самых знатных при дворе, — с лёгкой улыбкой сказал Се И. — Славный род, множество талантов, безупречная репутация. Радостно видеть, что у них есть достойные наследники.

Лицо Фань Муцуня слегка изменилось, но он всё же склонил голову и поблагодарил за милость. Он, таньхуа, был сегодня в тёмно-синем халате с широкими рукавами, на его головном уборе красовался золотой цветок. Его голос был спокоен, а внешность — изысканна и прекрасна. Когда он кланялся, он был подобен яшмовому дереву на ветру, и все взоры невольно обратились к нему.

Се И равнодушно отложил его стихи и продолжил просматривать остальные. Были стихи о весне, хвалебные оды государю, стихи о стремлениях. Иногда он комментировал их, иногда просто передавал Се Фэю, и тот с улыбкой читал и давал свою оценку.

Вскоре Се И дошёл до стихов Сюй Гу. Прочитав их, он слегка нахмурился. Сюй Чунь говорил, что его стихи отдают стариной. Я думал, он предвзят. А теперь вижу, что он едва не попал в третий разряд по праву. Моего вмешательства и не требуется.

С улыбкой он передал свиток Се Фэю.

— Взгляни, это, кажется, тот самый молодой господин из резиденции князя Цзин, о котором ты говорил на днях?

Се Фэй взял стихи. Прочитав хвалебную оду «Во времена Яо и Шуня настал мир, смею ли я не отплатить за милость государя», слишком уж торжественную и лишённую юношеского задора, он тоже слегка нахмурился. Он знал Сюй Гу лишь шапочно, а вот с Сюй Чунем был знаком лучше. Но сейчас, перед государем, он лишь улыбнулся.

— Да, это старший сын князя Цзин, Сюй Гу.

Сюй Гу, сидевший на последнем месте и надеявшийся остаться незамеченным, поспешно вышел вперёд и пал ниц.

— На днях я слышал от наследника князя Шунь, — сказал Се И, — что в резиденции князя Цзин двое сыновей: старший сдал столичные экзамены, а младший поступил в Государеву академию. Глядя на тебя, я вижу, что ты и впрямь очень молод. Похоже, у князя Цзин есть достойные наследники, и он хорошо воспитывает детей.

Сердце Сюй Гу бешено колотилось от волнения. Он поклонился.

— Наш род из поколения в поколение служит государю, как мы смеем не отплатить за эту жизнью!

— Ты родился в знатной семье, — любезно продолжил Се И, — и, будучи старшим сыном, не воспользовался правом наследования, а пошёл по пути экзаменов. Это похвально. Ты можешь служить примером для всех знатных семей столицы.

— Я рождён от наложницы, — поспешно ответил Сюй Гу. — Мой младший брат Сюй Чунь — законный наследник, он по праву наследования поступил в Государеву академию.

— Вот как, — протянул Се И, словно удивившись. — Значит, твой младший брат — законный наследник. В таком случае, князь Цзин мудро правит своим домом, а его супруга добродетельна и мудра, раз воспитывает законного сына и сына наложницы одинаково. Это достойно награды. — Он будто что-то вспомнил и повернулся к Оуян Шэню: — Кажется, князь Цзин Сюй Аньлинь не так давно получил какое-то поручение и весьма усердно его выполняет.

— Да, Ваше Величество, — поспешно встал Оуян Шэнь. — Князь Цзин надзирает за ремонтом северного загородного дворца для поста и проявляет большое усердие.

— Пригласите и князя Цзин на банкет, — кивнул Се И. — Это будет прекрасная история.

Стоявший за его спиной Су Хуай тут же послал человека с приглашением. Вот оно что, — мысленно прозрел Оуян Шэнь.

Тем временем Се И задал Сюй Гу несколько вопросов по канонам. Сюй Гу был силён в этом и отвечал без запинки.

— Недаром ты мне на днях говорил, — с улыбкой обратился Се И к Се Фэю, — что оба сына князя Цзин умны и талантливы. Глядя на Сюй Гу, я вижу, что он прекрасно знает каноны, очевидно, он много трудился.

Се Фэй, разумеется, ничего подобного не говорил, но сейчас мог лишь подыграть императору.

— Боюй — юноша серьёзный, скромный и миролюбивый, характер у него очень сдержанный и благоразумный.

— Боюй? — переспросил Се И.

— Да, второе имя Сюй Гу — Боюй, — ответил Се Фэй и слегка удивился. В «Ли вэй» сказано: «Старшего сына наложницы называют Мэн». Почему же он использует «Бо»? Впрочем, раньше он не придавал значения этой мелочи.

Улыбка на лице Се И померкла. Он посмотрел на Сюй Гу и, помолчав, сказал:

— Это имя нехорошо. Я дарю тебе новое — Эньли.

Лицо Сюй Гу побледнело. Ему показалось, что он слышит шёпот за столами. Он и раньше знал, что его второе имя не совсем правильно, но его дал ему учитель, и никто не смел упрекнуть его в этом. Теперь же, перед государем, получить новое имя... Его лицо горело от стыда, но он мог

лишь поклониться и поблагодарить за милость.

В этот мучительный момент, к его счастью, евнух доложил о прибытии князя Цзин Сюй Аньлиня. Внимание всех переключилось. Сюй Аньлинь, не зная, что произошло, вошёл в сопровождении евнуха и пал ниц, а про себя радовался. Хорошо, что сегодня сказали, что материалы не привезли, и мне не нужно было ехать во дворец, иначе не успел бы. Какая честь! Сын сдал экзамены, государь устраивает банкет — слава на всю семью!

Увидев Сюй Аньлиня, Се И смягчился.

— Я слышал, у тебя трое сыновей. Старший и второй — оба талантливы. Видно, ты усердно занимаешься домом. И с недавним поручением ты справляешься хорошо. Это достойно похвалы.

Лицо Сюй Аньлиня просияло от волнения. Он крепко ударился лбом о землю.

— Благодарю Ваше Величество за похвалу!

Се И видел, что внешность у него и впрямь прекрасная, но стоило ему заговорить, как вся его глупость и пустота вылезали наружу. Он терпеть не мог общаться с глупцами и, сдерживая нетерпение, сказал ещё несколько любезных слов.

— В детстве я помню, как твой брат, Сюй Аньфэн, являлся ко двору с докладами. Он был умным и талантливым человеком, жаль, что так рано ушёл. Характером и внешностью он, кажется, был похож на Сюй Гу. Если бы у твоего брата был сын, он был бы сейчас таким же. Жаль, что он не оставил наследника, и титул пришлось передать тебе, его младшему брату.

Сюй Аньлинь поспешно выдавил из себя несколько слёз.

— Брат был очень добр ко мне. Жаль, что у него не осталось сына, чтобы унаследовать титул. Я до сих пор скорблю об этом!

— Раз у тебя теперь трое сыновей, — с сочувствием сказал Се И, — ты должен доложить об этом старейшинам клана и усыновить одного из них своему брату. Так поступают в благочестивых и почтительных семьях.

— Я думал об этом, — поспешно ответил Сюй Аньлинь. — Моя матушка как раз занимается этим.

— Я вижу, Сюй Гу — юноша талантливый, — с улыбкой кивнул Се И. — Что если я своим решением повелю тебе усыновить твоего старшего сына наложницы твоему брату, чтобы он продолжил его род?

Это было именно то, чего хотел Сюй Аньлинь.

— Вся наша семья благодарит Ваше Величество за небесную милость! — воскликнул он. — Мой брат на том свете теперь сможет покоиться с миром!

Се И, услышав его бессвязную речь, сделал вид, что не заметил.

— Сюй Гу, что ты думаешь?

— Благодарю Ваше Величество за небесную милость! — поклонился и Сюй Гу.

— Хоть ты и переходишь в старшую ветвь семьи, чтобы заботиться о приёмной матери, — наставительно сказал Се И, — не забывай о доброте своих родителей, которые тебя родили и воспитали, особенно о доброте своей законной матери.

Сюй Гу, обливаясь потом, низко поклонился.

— Я буду свято следовать вашему повелению.

Се И велел им встать и повернулся к министру ритуалов.

— Министерство ритуалов, подготовьте указ. Похвалите князя Цзин и его супругу за мудрое управление домом и хорошее воспитание детей, наградите их. Повелите Сюй Гу перейти в наследники к Сюй Аньфэну, чтобы продолжить его род и заботиться о приёмной матери, дабы род заслуженного вельможи не прервался.

Министр ритуалов поспешно вышел вперёд и принял повеление.

Завершив это дело, Се И с довольным видом велел всем вернуться к пиршеству, приказал музыкантам исполнить несколько произведений, а затем медленно встал и под всеобщие поклоны покинул банкет.

Через несколько дней, дождавшись выходного дня в Высшей школе, Се И отправился в квартал Бамбуковых Ветвей.

— Девятый братец! — с сияющей улыбкой встретил его Сюй Чунь. — Как вы поживали все эти дни?

— Куда это ты так нарядился? — с удивлением спросил Се И, заметив на нём алый халат из тончайшего шёлка, расшитый цилинями.

— Сегодня в родовом храме провели церемонию усыновления, — покраснев, ответил Сюй Чунь.
— Только что вернулся, жарко так, что сил нет. Управа уже и документы все оформила.

— Больше не обижаешься? — с улыбкой спросил Се И.

— Я же вам в письме написал, — заговорщицки понизив голос, сказал Сюй Чунь. — Императорским указом моего старшего брата... то есть, теперь уже двоюродного, усыновили. Хе-хе, какой же у нас хороший император! Раньше, когда брата усыновляли, вся выгода доставалась старшей ветви, а благодарность — бабушке. А вторая ветвь двадцать лет растила будущего чиновника, но не дождалась от него помощи, он ушёл служить старшей ветви. А теперь, по указу императора, вся благодарность досталась моим родителям. Указ, в котором хвалят отца за братскую любовь, а мать — за добродетель, теперь висит в родовом храме. С таким указом никто в семье больше не посмеет тронуть мою мать. Её положение супруги князя теперь по-настоящему прочно.

Волосы на лбу Сюй Чуня были влажными от пота, он явно устал, но весь светился от возбуждения.

— А ещё Сюй Гу. Где бы он теперь ни служил, весь двор будет знать, что его воспитали мои отец и мать. Он не сможет забыть свои корни. Хоть он и наследник старшей ветви и должен заботиться о тёте, он не смеет забывать о доброте родителей.

— И ещё, — понизил голос Сюй Чунь, — я в Высшей школе слышал, что в тот день, когда император узнал, что второе имя моего брата — Боюй, он был недоволен и тут же даровал ему новое — Эньли. И «милость», и «ритуал» — явно, чтобы он знал своё место. Жаль, наследник князя Шунь, кажется, хотел его порекомендовать, а теперь он опозорился. В эти дни он с моими родителями ведёт себя учтивее прежнего, и со мной тоже очень вежлив. Хотя он сдал экзамены и ждёт назначения, сидит дома и почти никуда не выходит.

— Как старший сын наложницы может носить имя «Бо»? — сказал Се И. — Это ты с отцом книг не читаете, а мать твоя из купеческой семьи, в этих тонкостях не разбирается. Вот вас и унижали открыто. Я же говорил тебе учиться, не зря ведь?

— Девятый братец, я знаю, что раньше был легкомысленным, — покраснел Сюй Чунь. — Теперь, вспоминая, я понимаю, что бабушка, скорее всего, давно хотела его усыновить, но видела, что моя мать щедра к побочным детям, а тёте нужно было заботиться о старшей сестре, вот и тянула. А может, хотела выбрать получше, но третий брат с детства учился неважно.

— По правилам, если в старшей ветви нет наследника, старшие и жена должны были решить вопрос с усыновлением как можно раньше, — сказал Се И. — Его, как старшего сына наложницы, во второй ветви положение и так было неловким. Его должны были усыновить ещё до того, как твоя мать вошла в семью. Это было бы и уважительно по отношению к ней, и старшая ветвь воспитала бы его с детства, и чувства бы возникли. Идеальное решение. А теперь, когда он вырос и стал человеком, его забирают. Это лишь порождает обиды между

семьями.

— Наверное, так и хотели сделать, — вздохнул Сюй Чунь, — но оставили его, чтобы унижить мою мать. А потом, видя, что отец мой — простак, а мать — добрая и щедрая, так и оставили. Эх, бабушка с детства была ко мне добра, но теперь я вижу, что она всегда была на стороне старшей ветви. Наверное, потому что отец мой — непутёвый.

— Ты же сам говорил, даже у императора мать может быть несправедливой, — улыбнулся Се И.

— Хи-хи, — усмехнулся Сюй Чунь. Сегодня было тепло и солнечно, а он до сих пор был в парадной одежде. — Девятый братец, вы присаживайтесь, я сейчас переоденусь и вернусь.

Се И кивнул. Когда Сюй Чунь ушёл, он подошёл к его столу и взял посмотреть, что тот писал. На одном из листов было выведено:

«Что есть любовь в этом мире? Учитель сказал: бесполезная вещь».

Се И не сдержал смеха. Он взял листок в руки, вспомнив недавнее «совесть у человека есть, а собака дерьмо не ест». Этот юноша был таким забавным и непосредственным. Он уже собирался убрать листок, когда Сюй Чунь вернулся, переодетый в лёгкий зелёный халат. Увидев свиток в руках Се И, он покраснел до корней волос.

— Девятый братец, не смотрите, я просто пробовал новую кисть.

Се И с улыбкой посмотрел на его смущение, покрасневшие уши и сияющую кожу и не стал его дразнить.

— Что за новая кисть?

Сюй Чунь с облегчением вздохнул, но не решился забрать у Се И листок. Он взял сбоку коробочку с кистями.

— Это кисти из Ланьтяня. Если вам понравятся, девятый братец, возьмите набор себе. Они довольно жёсткие, ими хорошо писать. Раньше я ленился и мало упражнялся. Теперь учитель Шэнь постоянно говорит, что в моих иероглифах нет силы, но это не за один день исправить. — Сюй Чунь помолчал, заметив, что Се И как ни в чём не бывало сунул свиток себе в рукав, а затем взял одну из кистей и стал рассматривать её на свету. Лицо его загорелось ещё сильнее, но он не посмел попросить вернуть листок и лишь пробормотал: — К счастью, торговцы посоветовали мне кисти из Ланьтяня, сказали, что лучшие — из шерсти дикого зайца, они жёсткие. Я заказал несколько наборов из фиолетового ворса. Их только вчера привезли, я только что их расписал. Девятый братец, хотите попробовать?

Се И кивнул. Он взял кисть среднего размера. Сюй Чунь поспешно пододвинул тушечницу. Се

И обмакнул кисть в тушь и на одном дыхании написал:

«Что есть любовь в этом мире? То, что заставляет поклясться в вечной верности...»

Он на одном дыхании написал всю цы «Ловля рыбы · Стихи о холме диких гусей», его кисть двигалась свободно и уверенно, иероглифы были изящны и полны силы. Лишь дойдя до слов «посетить холм диких гусей», он остановился.

Сюй Чунь смотрел на слова «поклясться в вечной верности», и его сердце колотилось, как громом. Лишь когда Се И повернулся к нему, он поспешно пробормотал, скрывая смущение:

— Девятый братец, вы так прекрасно пишете. Я повешу это в рамку на стену.

— Раз так, нужно поставить печать, — с лёгкой улыбкой сказал Се И и, сняв с пояса печать, поставил оттиск. Сюй Чунь увидел, что это та же печать, что и на свитке «Чистый голос птенца феникса», — с иероглифами «Хозяин дворца Суйюй».

— Хозяин дворца Суйюй, — сказал Сюй Чунь, — это ваш псевдоним, девятый братец?

— Да. Кисть и впрямь хороша, очень удобна для мелкого письма. Подари мне один набор.

Она была даже лучше тех, что присылали ко двору в качестве дани.

Сюй Чунь тут же велел Цюху завернуть два набора и отдать слуге Се И.

— Девятый братец, скоро станет жарко. Я говорил вам, у меня есть усадьба за городом. В прошлом году я наделал там много вишнёвого вина, сейчас оно как раз готово. В это время года хорошо ловить рыбу и кататься на лодке. Поедемте отдохнуть?

— Хорошо, — ответил Се И. — Я посмотрю, когда у меня будет свободный день, и сообщу тебе.

— Договорились! — обрадовался Сюй Чунь. — Девятый братец, вы обязательно должны приехать.

<http://bllate.org/book/16990/1588974>